

Дискурсивное конструирование социальной реальности: концептуальные основания и эмпирические приемы разоблачения «скверных» практик

ВАН ДЕЙК Т. А. (2014). ДИСКУРС И ВЛАСТЬ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДОМИНИРОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ / ПЕР. С АНГЛ. Е. А. КОЖЕЯКИНА, Е. В. ПЕРЕВЕРЗЕВА, А. М. АМАТОВА. М.: ЛИБРОКОМ. 344 С. ISBN 978-5-397-04375-5

Ирина Троцук

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов
Адрес: ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация 117198
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Вряд ли в корпусе современных социальных и гуманитарных наук сегодня можно обнаружить понятие более популярное — по частоте использования, причем как само собой разумеющегося и давно уже переросшего «статус» сугубо научного — чем дискурс. Хотя с той же уверенностью его можно квалифицировать и как одно из самых размытых по содержательному наполнению и «печально известное своей многозначностью даже в самой лингвистике, где оно и появилось»¹. Под дискурсом может пониматься связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами его бытования, т. е. в событийном аспекте, «погруженный в жизнь»²; текст, сконструированный говорящим для слушателя; последовательность речевых актов в коммуникативно-прагматическом контексте; смысловое единство, реализующееся в виде устной или письменной речи; рассуждение с целью обнаружения истины и т. д.³ Термин «дискурс» начал широко использоваться с 1970-х годов в значении, близком «функциональному стилю речи или языка» в лингвистике, но постепенно лингвистическое содержание все больше вытеснялось социальным: «дискурс реально существует не в виде своей грамматики и лексики, как язык, а в таких текстах, за которыми встает особая грамматика, лексикон, правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, в конечном

© Троцук И. В., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

1. Серию П. (Ред.). (2002). Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс. С. 124.

2. Ярцева В. Н. (Ред.). (1990). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. С. 132–136.

3. Трубина Е. Г. (Сост.). (2002). Нарратология: основы, проблемы, перспективы: Материалы к специальному курсу. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.

счете — особый мир... где действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет»⁴.

Подобная не столько неопределенность, сколько многозначность привела к двум неизбежным следствиям. Во-первых, к достаточно противоречивым и все множющимся попыткам дать понятию «дискурс» некое окончательное определение, что еще больше усугубило его размытость, поскольку в дело пошла разнообразная метафорика, редко способствующая прояснению ситуации: «Дискурс — это текст в действии. Текст понимается как инь, дискурс — как ян. Они подчиняются закону взаимопроникновения. <...> Ян — то, что мы реально говорим или слышим, он постоянно изменяется, изменяя все вокруг. Инь — то глубинное, что скрывается за этими реальными актами, что может «видеть» не любой человек, а только ученый, исследователь, теоретик. Разные «видения» порождают разные школы. Текст является потенциалом (инь), дискурс — реализацией этого потенциала в речевой деятельности (ян), т. е. текст функционирует в речи в виде дискурса. Соответственно, структура дискурса состоит из двух компонентов: лингвистического (инь) — системные языковые единицы (словоформа и предложение) и экстралингвистического (ян) — ситуация, прагматический, социокультурный, психологический и другие факторы... Текстовые и дискурсивные категории при всех различиях объединяются двумя особенностями: объемом (пространством) организации и линейностью (временем) появления в речи компонентов»⁵.

Во-вторых, раз под дискурсом могут пониматься разные аспекты текстовой и экстралингвистической реальности, значит, и в рамках дискурс-анализа возможен целый ряд направлений, различающихся фокусом исследовательского интереса и не особенно озабоченных проведением четких демаркационных линий между собой и иными форматами аналитической работы с текстовыми данными, поскольку все они исходят из одного постулата: социальная реальность конструируется лингвистически, и все окружающие нас «тексты» социальны по своей природе. Тем не менее определенный консенсус в отношении структуры поля дискурсивных исследований сложился. С одной стороны, здесь, пусть и достаточно условно, выделяют три «традиционные» версии дискурс-анализа — как заложившие три вектора его развития: концепция М. Фуко считается наиболее «социологической», потому что дискурс здесь — идеологически обусловленный стиль или способ «говoreния»; версия дискурс-анализа Т. А. ван Дейка — «лингвистической», поскольку дискурс трактуется как структурирующий принцип любого коммуникативного взаимодействия; вариант Р. Барта — самым «семиологическим» дискурс-анализом, основанным на понятии мифа.

Фуко выделяет в дискурсе четыре измерения, или «дискурсивные формации» — объекты, модальность, концепты и тематическое единство: дискурс-анализ — это оценка возможности появления определенных объектов в поле дискурса,

4. Степанов Ю. С. (1998). Язык и метод: к современной философии языка. М.: Языки русской культуры. С. 670, 676.

5. Чан Ким Бао. (2000). Текст и дискурс (через призму инь-ян-концепции). М.: Творчество. С. 3–7.

модальности высказываний субъекта (кто, где и о каких группах объектов может высказываться), вероятности использования конкретных концептов в высказывании, стратегий выбора тем и теорий⁶. По Фуко, дискурс — способ подчинения и контроля за счет внешних процедур исключения (запретов, оценок безумия/бессмысленности дискурса) и внутренних процедур классификации и упорядочивания (комментарии, авторство, дисциплина)⁷. Ван Дейк исходит из детерминации познания человека глубинными концептуальными структурами его личностной картины мира: ее фундамент составляет модель ситуации, содержание которой (время, место, контекст, действия, участники, причины, цели, последствия, категории оценки) вариативно и позволяет человеку понимать разные тексты. Дискурс-анализ предполагает извлечение из дискурса смысловых блоков и фрагментов текста (стереотипных тематических репертуаров, обусловленных коммуникативным и культурным контекстом, а также социально-демографическими, ролевыми и личностными особенностями автора), релевантных априорно заданной исследователем ситуационной модели, их сравнение и обобщение в систему категорий, которые суммируют идеологическую позицию автора (повествовательную схему доказательства)⁸. Дискурс-анализ Барта основан на понятии мифа, которым может стать все, что покрывается дискурсом и имеет адресный характер, «ведь никакой закон, ни природный, ни иной, не запрещает нам говорить о чем угодно»⁹. В мифе Барт выделяет две семиологические системы: лингвистическую — естественный язык; метаязык, в котором означающее (понятие) может быть итоговым членом системы языка (смыслом) или исходным членом системы мифа (формой). Распознаванием (чтением) и анализом (дешифровкой) мифов занимается семиология — наука о «знаках и знаковости», призванная вскрывать тесные функциональные зависимости означающего и означаемого, которые гарантируют знаку постоянство формы в разных вариантах реализации¹⁰. Объединяет «традиционные» варианты дискурс-анализа то, что они исходят из ситуативно обусловленного конструирования мира посредством дискурса, а потому в фокусе их интереса оказывается «не сопоставление семантических систем и реальности, а изучение практик описания мира»¹¹, что, с очевидными ограничениями и оговорками, позволяет использовать все три аналитических подхода в качественных социологических исследованиях¹².

Другой вариант структурирования поля дискурсивных исследований выделяет из всего множества разнообразных подходов наиболее продуктивные для изуче-

6. Фуко М. (1996). Археология знания. Киев: Ника-Центр. С. 40.

7. Фуко М. (1996). Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Касталь. С. 52, 65.

8. ван Дейк Т. А. (1989). Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. О. А. Гулыги. М.: Прогресс. С. 45–60.

9. Барт Р. (2000). Мифологии / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых. С. 234.

10. Там же. С. 244.

11. Edwards D. (1997). Discourse and cognition. London: SAGE. P. 45.

12. Cheek J. (2004) At the margins? Discourse analysis and qualitative research // Qualitative Health Research. Vol. 14. № 8. P. 1140–1148.

ния коммуникации, культуры и общества, где тесно связаны теория и метод, аналитика и критика в выборе целей, методов и акцентов фундаментальных и прикладных исследований¹³. В качестве таковых называют теорию дискурса Э. Лаклау и Ш. Муффа¹⁴, дискурсивную психологию и критический дискурс-анализ Н. Фэйркло. Обозначим предельно схематично суть каждого подхода¹⁵: согласно Лаклау и Муффу, разработавших свою теорию дискурса посредством деконструкции ряда чужих концепций (в частности, марксизма и структурализма), дискурс формирует социальный мир с помощью значений, но нестабильность языка определяет незамкнутость и незавершенность любого дискурса, который к тому же постоянно взаимодействует с другими, поэтому дискурсы борются за фиксацию собственного значения в языке (преобладание одной определенной точки зрения). Социальные и физические объекты даны нам только через системы дискурсивных значений, т. е. мы живем не в объективном мире, а в мифическом — дискурсы формируют искаженное представление о действительности, которое устанавливает горизонт наших действий (так, любая страна — миф), и цель дискурс-анализа — очертить процессы создания и закрепления значений, посредством которых конституируется общество. Дискурсивная психология — наиболее эмпирически ориентированный подход, интересующийся использованием языка в социальном взаимодействии (в основном изучает бытовой дискурс), но скорее не лингвистическими особенностями, а риторическими практиками. Задача — оценить, насколько гибко люди (одновременно продукты и творцы дискурсов) используют существующие дискурсы, обсуждая свои взгляды на мир, и каковы социальные последствия подобного «использования» в создании и изменении социокультурного контекста.

Критический дискурс-анализ, разработанный Фэйркло, также подчеркивает активную роль дискурса в конструировании социального мира, но, в отличие от теории Лаклау и Муффа, четко разводит дискурс как лишь один из множества аспектов любой социальной практики и не-дискурс: все дискурсы интертекстуальны, и путем комбинации элементов разных дискурсов можно не только создать новый дискурс, но и изменить социальный и культурный мир. Критический дискурс-анализ принципиально двойственен: а) на уровне «объекта» изучения — любой дискурс всегда закончен и целостен, но в нем можно обнаружить элементы прошлых и будущих дискурсов; любой социальный процесс предполагает и продуцирование, и потребление дискурсов; любая социальная ситуация включает в себя лингвистическое и не-дискурсивное измерение; люди не только подчиняются, но и реконструируют дискурсы; б) предмета исследования — дискурс рассматривается и как отдельное коммуникативное событие (политические дебаты, фильм,

13. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. (2002). Дискурс-анализ: теория и метод / Пер. с англ. А. А. Киселёвой. Харьков: Гуманитарный Центр.

14. Здесь и далее используются варианты написания фамилий, правильность которых была подтверждена в ходе обсуждений с зарубежными коллегами, а не те, что приводятся в русских переводах.

15. Предупреждая упреки в некорректности суммировки, сразу оговоримся, что любое краткое изложение гиперсхематично и по определению упускает из вида большинство даже исключительно важных нюансов.

врачебная консультация и т. д.), и как порядок дискурса, т. е. конфигурация всех типов (медицинский, политический и пр.) и жанров (разговор, новости, реклама и т. п.), которые свойственны определенному социальному институту (суд, больница, парламент) или области общественной жизни (телевидение, образование, политика); в) собственного «статуса» — критический дискурс-анализ ориентирован на объективное эмпирическое исследование употребления языка (лингвистический текстовый анализ) в социальном взаимодействии, но не выдерживает требований нейтральной научной работы, потому что отстаивает интересы притесняемых (прежде всего посредством дискурсивных практик) групп¹⁶.

«Методика» критического дискурс-анализа во всех его вариантах основана на трехмерной модели Фэйркло — конкретный речевой случай (коммуникативное событие) рассматривается как состоящий из трех измерений, каждое из которых подвергается тщательному неформализованному анализу: 1) произнесенный/написанный текст (семантические, синтаксические и прочие особенности); 2) дискурсивная практика его производства (контекст создания); 3) «обрамляющая» дискурсивную практику социальная действительность. Предполагается, что исследователь должен производить неидеологический дискурс, критически препарировав дискурсы идеологические, что неизбежно порождает вопросы о критериях разведения данных типов дискурса и о способности аналитика к дискурсивно-неидеологическому восприятию мира в принципе.

Нежестко фиксированные методические требования к критическому дискурс-анализу определяют почти безграничные возможности его использования. В качестве примера можно привести современную политическую географию, или

16. Последнее обстоятельство дает переводчикам книги Т. А. ван Дейка основания утверждать, что критический дискурс-анализ выходит «за пределы конвенциональных научных методологий... в русло политизированных критических течений» (с. 11), однако вряд ли стоит высказываться столь жестко и бескомпромиссно о междисциплинарном подходе, самый известный представитель которого (собственно сам ван Дейк) однозначно позиционирует себя внутри, а не за пределами научного дискурса, — скорее следует делать отсылки к так называемой «публичной» науке. М. Буравой выделит четыре «чистых» типа социологии — профессиональную (сочетает инструментальную и внутриакадемическую ориентации), прикладную (фокусируется на инструментальных вопросах), критическую (для нее характерен рефлексивный и внутриакадемический крен) и публичную (устремлена во внеакадемическую среду) (см., напр.: Романов П., Ярская-Смирнова Е. (Ред.). (2008). *Общественная роль социологии*. М.: Вариант. С. 18–22). Составители указанного сборника текстов, представляющего собой «обмен мнениями известных... ученых по актуальным вопросам общественной роли социологии», подчеркивают нерешенность и даже новый виток дискуссий по проблеме практической пользы и статуса социологии в современном обществе, разделения труда в «цеху» социологов, ценностной позиции ученого и т. п., нередко приписывая публичному социологу задачу артикуляции интересов и притязаний обездоленных и социально ущемленных групп (там же: 89–95), — о том же говорит ван Дейк, характеризуя цели и задачи критического дискурс-анализа. Так что выводить концепцию ван Дейка за рамки научного дискурса как «политизированное критическое течение» вряд ли стоит, тем более что он уверенно парирует обвинения в «ненаучности» в адрес ангажированных в социально-политическом смысле исследований: «обвинения критических исследований в предвзятом отношении являются банальными и сами нуждаются в критическом анализе хотя бы потому, что невыражение политической позиции — это тоже политический выбор... а критическое и социально-заинтересованное исследование не означает, что сам анализ будет не строгим... а теории и методы критического дискурс-анализа — недостаточно научными» (с. 24).

«критическую геополитику», которую интересует дискурсивно-социальное конструирование глобального пространства — как нарративы мировой политики становятся очевидными и объективными основаниями идентификаций. Критическая геополитика апеллирует к термину «дискурс», полагая, что сегодня география (и теория международных отношений) превратилась в поле сражений за право организовывать, захватывать и управлять пространством, вызывая к жизни политических субъектов¹⁷. Задача — не оценить объективные интересы и возможности государств как рациональных акторов, привыкших бороться за власть и безопасность на международной арене, а «демистифицировать процесс конструирования политических субъектов»¹⁸ в заданных контекстах, например, показав, сколь противоречив проект «сильной России», пронизанный глубокими сомнениями и опасениями в возможности собственной реализации¹⁹.

Столь длинное вступление к рассмотрению работы Т. А. ван Дейка «Дискурс и власть...» необходимо, потому что иначе она оказывается подвешена в некоем концептуальном вакууме, а контекстуализация ее только критическим дискурс-анализом неправомерна: это лишь один из вариантов дискурсивных исследований, не обладающий эпистемологическим приоритетом и несколько выпадающий из научного «мейнстрима» в силу слишком уж подчеркиваемой междисциплинарности (граничащей с маргинальностью и компилятивностью) и критичности (с креном в прикладную политику). Книга состоит из десяти глав, которые предваряют благодарности и предисловие автора, а завершают заключение, приложение (транскрибированный фрагмент дебатов в Кортесе Испании, посвященных войне в Ираке²⁰), библиография и рекомендательный список дополнительных источников на английском языке для тех, «кто заинтересовался в отдельном списке литературы по главным вопросам и темам книги». Первые четыре главы представляют собой терминологически насыщенный обзор теоретико-методологических оснований критических дискурсивных исследований, где акцент сделан на проработке понятийно-категориального аппарата, а потому здесь немного иллюстративных примеров. Данная часть книги позволяет утверждать, что, учитывая отмеченное ранее отнесение варианта дискурс-анализа ван Дейка к «лингвистическим», автор явно повысил «социологичность» своей концепции, хотя сам неоднократно под-

---

17. См., напр.: *Dodds K.* (2001). Political geography III: critical geopolitics after 10 years // *Progress in Human Geography*. Vol. 25. № 3. P. 469–484; *O Tuathail G.* (1996). Critical geopolitics: the politics of writing global space. Minneapolis: University of Minnesota Press; *Milliken J.* (1999). The study of discourse in international relations: a critique of research and methods // *European Journal of International Relations*. Vol. 5. № 2. P. 225–254.

18. *Kuus M.* (2007). Ubiquitous identities, elusive subjects: puzzles from Central Europe // *Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 32. № 1. P. 91.

19. См., напр.: *Neumann I. B.* (2008). Russia as a great power, 1815–2007 // *Journal of International Relations and Development*. Vol. 11. № 2. P. 128–151; *Мюллер М., Троцук И. В.* (2011). Проект сильной России в элитном образовании путинского периода: взгляд с позиций постструктуралистской теории дискурса // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. Том 8. № 1. С. 105–119.

20. По мере развертывания повествования автор приводит все больше примеров, иллюстрирующих его концептуальные выкладки, и в основном это фрагменты из выступлений политиков.

черкивает ее принципиальную междисциплинарность. Если читатель сможет преодолеть первый, предельно терминологически и методологически насыщенный раздел книги, то затем читать ее становится проще. В оставшихся шести главах содержательные акценты смещаются: автор фокусируется на социальных проблемах (расизм и его отрицания, создание и функционирование идеологий, эффективность воинствующей риторики и манипуляций в политической сфере), показывая, как обозначенные в первых четырех главах концептуальные положения следует применять на практике для обеспечения «критичности» дискурс-анализа.

В Предисловии ван Дейк снимает большинство возможных критических замечаний²¹ к своей книге²². Во-первых, он позиционирует критический дискурс-анализ как научно-исследовательское направление, изучающее соотношение двух фундаментальных общественных феноменов — дискурса и власти, а потому стремительно развивающееся, соответственно, в лингвистике и социальных науках, но не скованное никакими дисциплинарными рамками (можно сформулировать условный лозунг книги как «хочешь стать критическим дискурс-аналитиком — будь им»), т. е. ван Дейк заранее парирует упреки в непонятном научном «статусе» критического дискурс-анализа. Его мультидисциплинарность ван Дейк объясняет тем, что он работает с тремя измерениями: дискурсивным (необходим методический и понятийный арсенал лингвистики), когнитивным — механизмами познания (нужны психология и социальная психология) и социальным — особенностями социального взаимодействия (не обойтись без социологии, политологии и антропологии). Еще два измерения — историческое (поскольку, например, расизм — изобретение не современного мира) и культурное (дискурсы, способы воспроизводства власти, социальные структуры и познание культурно детерминированы даже в эпоху глобализации) в книге упоминаются, но детально не рассматриваются.

Во-вторых, ван Дейк четко формулирует предмет своего исследования — место и роль дискурсивных практик в процессах воспроизводства и злоупотребления властью (конструирования, закрепления и легитимации социальных различий в устных и письменных текстах), а также объект — все виды публичного дискурса, контролируемого символическими элитами²³ (политиками, журналистами, учеными, писателями, чиновниками и т. д.), т. е. рассматривает власть как фундиро-

---

21. Западные авторы нередко предпочитают заранее отбиться от возможных критических выпадов в адрес своих работ, предварив их решительными возражениями в момент публикации книги, а не после ее выхода в свет. См., напр., замечательную реализацию такой оборонительной тактики в предисловии к книге: *Scott J. C. (2009). The art of not being governed: an anarchist history of Upland Southeast Asia. New Haven: Yale University Press.*

22. За исключением тех, что связаны с работой переводчиков: впечатление от книги несколько снижают их излишне эмоциональные акценты в обращении и аннотации, а также обидные опечатки, достаточно часто встречающиеся в тексте.

23. Признавая трудности с определением понятия «элита», ван Дейк предлагает следующую трактовку данного широкого концепта — это небольшая группа, осуществляющая эксклюзивное социальное управление. «Помимо политических, военных и экономических элит, символические элиты играют важную роль в идеологическом обеспечении системы осуществления или поддержки власти в современном информационном и коммуникативном обществе» (с. 52).

ванную прежде всего не финансами или силой, а ресурсами коммуникативного (прямого и косвенного) доминирования и контроля, которые инспирируют и повседневные разговоры (тем самым теряют смысл возможные упреки, что критический дискурс-аналитик не пойми чем занимается).

В-третьих, ван Дейк проясняет содержательное наполнение и эмпирические индикаторы используемых понятий по мере их появления, и многих — уже в предисловии. Так, он сразу обозначает критерии злоупотребления властью — нелегитимное дискурсивное нарушение фундаментальных ценностей и норм общества, которое может осуществляться как открытым проговариванием, так и игнорированием, замалчиванием и отрицанием. Наиболее яркий пример — расизм: это «не предрассудок ханжески настроенных индивидов или социально разделяемые когнитивные презентации групп», а любые практики дискурсивного истолкования, подтверждения и пропаганды этнического и прочих типов неравенства и дискриминации. Подобную разъяснительную работу ван Дейк считает принципиально важной, потому что «мы должны следить за тем, чтобы наши труды, даже посвященные сложным социальным проблемам, были всегда максимально доступны максимальному числу людей» (с. 17), и показывает прекрасный пример следования этому требованию, нередко используя просторечные обороты, позволяющие читателю немного отдохнуть от сложного чтения («расизм — это плохо»; «плохой дискурс-анализ — тот, который не вносит вклад в социальные изменения»; «власть редко „приходит одна“»).

В-четвертых, ван Дейку нельзя предъявить претензии в расширительной трактовке критического дискурс-анализа — он сразу оговаривает, что в книге представлены результаты теоретического анализа лишь «некоторых базовых понятий социальных наук в целом и критического дискурс-анализа в частности», а также в нерепрезентативности эмпирической части — в предисловии уточняется, что речь идет о кейс-стади. Ван Дейк заранее предупреждает читателей и о неизбежных совпадениях и повторях в книге: за исключением первой и последней глав, ее разделы уже публиковались и были собраны в этот раз вместе без содержательной правки, что, впрочем, позволяет читать главы независимо друг от друга и в любом порядке. Сняв возможные критические замечания в адрес своей работы, ван Дейк завершает Предисловие просьбой к читателям присылать свои комментарии и критику ему на почту.

Итак, первую главу ван Дейк называет введением в проблематику критического дискурс-анализа — на понятийном, концептуальном и методологическом уровне. С первых строк он обозначает проблему, которая рефреном проходит через всю книгу и фактически суммирует причины непопулярности текстового анализа в социологии (на фоне опросных методов), — многие фундаментальные понятия социальных наук сложны и неясны: текст, дискурс, власть, злоупотребление, манипуляция, социальное неравенство и др. Ван Дейк предлагает следующий вариант решения этой проблемы, к которому сам постоянно и прибегает: очень четко обозначать то измерение, которое будет подвергнуто исследованию (например, в

случае власти это типичные формы доминирования на микроуровне — в текстах/речи/семиотических практиках, которые результируют в типичных формах социального неравенства и несправедливости на макроуровне — во взаимоотношениях групп/организаций), и формулировать более частные цели. Ван Дейк также считает необходимым заменить широко распространенный термин «критический дискурс-анализ» на «критические дискурсивные исследования», чтобы снять проблему метода. Единого метода критического дискурс-анализа не существует, в его рамках применяются любые методы, соответствующие целям исследования, включая грамматический (фонологический, синтаксический, лексический и семантический), риторический и стилистический анализ, прагматический анализ речевых и коммуникативных актов, конверсационный анализ, семиотический анализ мультимодальных параметров дискурса и т. д. — если речь идет о дискурсе как автономном вербальном «объекте», и включенное наблюдение, этнографический метод и даже эксперименты — если нас интересует дискурс как «контекстуальное взаимодействие, социальная практика или тип коммуникации в социальном, культурном, историческом или политическом контексте (с. 21). Что касается конкретных методических решений, то они не уточняются, но оговаривается, что можно, например, «дополнять традиционное контент-аналитическое исследование газетных сообщений качественным анализом новостного дискурса» (с. 79), т. е. сравнительной оценкой объемов сообщений, их формата и тематического поля.

Множественность методов критического дискурс-анализа ван Дейк связывает и с тем, что «одна общая стратегия, реализуемая в дискурсивном воспроизводстве (например, расистского или гендерного) доминирования, т. е. противопоставление (поляризация) «ин-группы» и «аут-группы» («ин-группа» восхваляется, а «аут-группа» принижается), может быть реализована многими способами и на различных уровнях дискурса». Более важны для критического дискурс-анализа, по мнению ван Дейка, требования «ненарушения прав человека... непротиворечия интересам социальных групп... и усиления влияния подчиненных групп, особенно в области дискурса и коммуникации» (с. 21), поскольку «взаимодействие между дискурсивными и социальными структурами — не просто корреляционное или каузативное, а... сложный социокогнитивный процесс, включающий в себя, например, ментальные модели и другие когнитивные репрезентации» (с. 23). Цель критического дискурс-анализа ван Дейк формулирует широко — «изучение множества способов, которыми дискурс может использоваться в корыстных целях... нелегитимного управления сознанием и контроля над действиями людей в аспекте воспроизводства власти», а потому признает необходимость заимствовать из соответствующих дисциплинарных полей теоретические инструменты трактовки власти, социальной структуры, социальных групп, идеологии, социокультурного контекста и др.

Социальная власть — это в первую очередь контроль одной группы над другой; злоупотребление властью — контроль в интересах обладающих властью против интересов контролируемых; его частная разновидность — контроль над дискур-

сом посредством коммуникативных действий; конечная цель злоупотребления властью — контроль над сознанием как не прямое и вероятное следствие контроля дискурса, первый шаг в котором — контроль его контекста (кто, когда, где и что говорит). Власть — не принадлежность индивида, а атрибут определенной социальной позиции (президент, член парламента, профессор, журналист, полицейский и т. д.) или составная часть организации (в семье властью обладают родители). Это определение сразу указывает на две проблемы социального анализа дискурса: 1) идеологическое внушение может быть нелокализованным, сложным, глобальным, систематическим и почти незаметным (так «работают» учебники, по которым мы учимся в школе²⁴); 2) мы можем анализировать только публичные данные, маркирующие и конституирующие властные отношения, но не имеем доступ к «вершинам» дискурсивного взаимодействия («кабинетные» встречи, «летучка» у редактора газеты и пр.). Но и публичного дискурса достаточно: сегодня социальная власть базируется не столько на обладании материальной или силовой мощью, сколько на особом доступе к коммуникативным ресурсам любого производства смыслов (неважно, проговаривается или изображается то, что следует подвергнуть критическому анализу), благодаря чему можно контролировать сознание массовой аудитории, определяя ее желания и поступки. Речь не идет о политэкономическом или макросоциологическом анализе: ван Дейк не отрицает их возможность и оправданность, но предлагает усложнить их, усилив и уточнив анализом связей и форм классового, группового и организационного управления, изучая таковые на локальном уровне повседневных взаимодействий в разных дискурсивных жанрах.

Власть не плоха по определению — она может быть направлена и на достижение нейтрального и положительного результата, поэтому ван Дейк интересуют формы дискурсивного злоупотребления властью — дезинформация, введение в заблуждение, внушение, стереотипизация, любые нелегитимные действия и ситуации, производящие или способствующие нарастанию негативного социального неравенства и несправедливости. Критерий нелегитимности — негативные социальные последствия (неравенство между преподавателями и студентами или создание негативного образа коррумпированного политика сюда не входят, потому что совершенно нормальны): так, «повторяющееся акцентирование внимания на девиантных или криминальных характеристиках представителей меньшинства создает и поддерживает социально разделяемые расистские установки в обществе, а не только мнения отдельно взятых фанатичных индивидов» (с. 41).

Завершает первую главу обзор возможностей практического применения критического дискурс-анализа: это посредничество и консультирование для де-

24. Яркий пример — интерпретация исторических событий в школьных учебниках стран, находящихся в состоянии военного противостояния: каждая сторона излагает собственную версию событий как единственно истинную, «развенчивающую» версию врага, представляющую его безликим, аморальным и иррациональным, что формирует упрощенное понимание мира, негативное отношение к «другому» и уверенность в необходимости применения силы. См., напр.: Бар-Он Д., Адван С. (2004). Возможен ли общий учебник истории для палестинцев и израильтян? // ИНТЕР. № 2–3. С. 43.

монстрации того, как дискурсивные структуры используются для создания ментальных моделей событий и заданного «определения ситуации», упрощенного до предубеждений; просвещение граждан, чтобы научить их «видеть» цели дискурсивных элит и применяемые ими способы дезинформирования и манипулирования; стандартизация в этических кодексах ценностей и норм профессиональных групп, имеющих приоритетный доступ к коммуникационным ресурсам (журналистов, преподавателей и др.). Еще одним средством спасения от злоупотреблений властью ван Дейк считает угрозу бизнесу: если просветительские, исследовательские и политические стратегии дискурсивного сопротивления расизму не помогут, то его добьет снижение прибыли бизнесменов-расистов вследствие активной гражданской позиции настроенных против расизма потребителей, которых поддерживают различные некоммерческие организации и общественные движения.

Вторая глава книги посвящена базовым типам отношений между дискурсом и социальной властью — «актуализации, выражению, описанию, сокрытию и легитимации власти в текстах и речи в социальном контексте» — и идеологии²⁵ как особому формату социального познания, выполняющему роль «„моста“ между социетальной властью классов, групп и институтов на макроуровне анализа и реализацией власти во взаимодействии и дискурсе на социальном микроуровне» (с. 46). В качестве значимых ограничений главы ван Дейк называет отказ от рассмотрения общих связей между властью и языком, власти в межличностных коммуникациях и мужского доминирования в языке, а также сосредоточенность на роли власти в западных культурах и слишком краткий обзор исследований гендерного измерения власти и дискурса. Отмечая многообразие преимущественно социологических и политологических работ, посвященных анализу власти, ван Дейк следует предложенной им ранее последовательности действий, начиная с выбора и реконструкции наиболее важных характеристик власти в рамках своей теоретической модели: это взаимоотношения групп и личностей; ограничение субъектом социальной свободы другого; за исключением применения силы, как правило, непрямая реализация — посредством «ментального контроля»; невозможность тотального властного контроля в современных западных обществах; различные формы разделения власти и сопротивления ей, определяющие возможность социальных изменений; реализация власти только в заданном идеологическом контексте.

Ван Дейк ставит перед собой задачу «системного социокогнитивного анализа идеологических структур и процессов их (транс)формирования и применения... чтобы выявить, как групповые знания влияют на социальное конструирование реальности, социальные практики и, следовательно, (транс)формирование социе-

---

25. «Идеология представляет собой комплексную когнитивную систему, контролирующую формирование, трансформирование и применение других социальных знаний, таких как мнения и оценки, а также социальных репрезентаций, включая и социальные предубеждения, <...> чтобы они могли поддерживать восприятие, интерпретацию и действия в социальных практиках, направленных на защиту базовых интересов группы» (с. 54).

тальных структур» (с. 55). Сначала он выделяет типы способов реализации власти в дискурсе: принуждающие (прямые директивы — приказы, угрозы, инструкции, советы занимающих институциональные роли — и риторические приемы убеждения рекламы и пропаганды), описательные («экспертные» прогнозы и оценки) и нарративные (романы и кинофильмы) — все они «убеждают», прибегая к экономическим, политическим, социальным или моральным доводам и контролируя поток информации. В структуре «властных текстов» ван Дейк разводит следующие уровни: 1) властные институты (правительство, армия, судебная система, средства массовой информации и др.); 2) с каждым из них соотносятся специфичные жанры дискурса, коммуникативные события, темы, стили и риторические средства, а также особая иерархия позиций, рангов и статусов, их использующих; 3) групповые и властные отношения внутри и за пределами институтов (например, между богатыми и бедными); 4) границы/спектр и тип влияния власти (скажем, политический дискурс имеет отношение ко всем гражданам); 5) виды легитимности форм социального контроля, которые градуально меняются от тотального контроля (диктатура) до частичного и различаются санкциями, а также жанрами, темами и стилями дискурса (диктатура не допускает дискуссий и споров). Для изучения идеологии ван Дейк предлагает «ситуационный анализ», комбинирующий преимущественно макросоциологического (оценка социальных ситуаций) и социолингвистического (дискурсивных (суб)жанров и коммуникативных событий) подходов. Ситуационный анализ допускает использование уже устоявшихся форматов работы с текстами, например, конверсационного анализа в исследовании судебных диалогов, но считает необходимым дополнить его более пристальным вниманием к социальным аспектам власти, управления и доминирования, поскольку дискурсивные особенности подсудимых определенных категорий (старые, женщины, меньшинства) могут усилить или, наоборот, сократить субординацию по отношению к обвиняемому и т. д.

Различные виды устного диалогического дискурса и письменных текстов «актуализируют типичные социальные отношения, включая властные» (с. 63). Хотя ван Дейк разводит повседневный личный разговор и формальный институциональный дискурс, он вполне в духе конверсационного анализа признает их взаимопроникновение: неформальный частный разговор может включать в себя институциональные ограничения (типичные различия всех культур — между родителями и детьми, женщинами и мужчинами в разговоре)²⁶, формальный дискурс — повседневные неформальные практики, причем разные типы социальной асимметрии накладываются друг на друга, и «институциональная власть часто актуализируется одновременно с властью группы, связанной с гендерной, классово-расовой,

---

26. В качестве яркой иллюстрации институциональных ограничений в обычном разговоре родителей с детьми можно привести популярный турецкий сериал «Великолепный век», где жены султана постоянно наставляют его детей помнить, что любой их разговор с отцом — это беседа с «повелителем мира», что накладывает массу ограничений на проявление эмоций, стиль и содержание высказываний, формы обращений и возможные вербальные и поведенческие реакции.

возрастной, субкультурной и национальной принадлежностью» (с. 69). Письменные тексты «буквально консолидируют коммуникативную власть в большинстве институциональных контекстов», поскольку «письменный дискурс эксплицитно программируется или планируется, а значит, лучше контролируется» (с. 76): в отличие от межличностного общения, где допускается нелегитимное доминирование, письменный дискурс более публичен и четко возлагает ответственность на своего автора, поэтому здесь доминирование реализуется более косвенно, завуалированно и формализовано. Например, в массмедиа речь может идти об исключении альтернативных источников информации и этноцентричном, стереотипизированном изображении «других» (фокус лишь на негативных типах событий и акторов, их «проблемная» репрезентация с помощью зависимых синтаксических позиций) при полном исключении открыто декларируемой расовой ненависти. «Безвластные могут контролировать исключительно повседневную коммуникацию... и абсолютно пассивные²⁷ реципиенты в контексте официального и медийного дискурсов» (с. 86).

Третья глава конкретизирует аспекты и элементы доминирования как формы злоупотребления властью через понятия юридически и морально нелегитимного контроля в чьих-либо интересах, результатом чего является социальное неравенство. Основа доминирования — привилегированный доступ к значимым социальным ресурсам и контроль публичного дискурса и коммуникации в целях воздействия на социальное познание групп, конструирования и закрепления желательных, выгодных властным элитам ментальных моделей социальных событий: «современная власть во многих демократических обществах увещевает и манипулирует, а не принуждает или же побуждает» (с. 89). Это сложные задачи, поэтому доминирование редко бывает абсолютным, обычно состоит из этапов разной степени организованности и институционализации и сопровождается более или менее явным сопротивлением подчиненных групп. Стратегии доступа к дискурсу — надежные индикаторы власти, хотя их структурная организация и очевидность различаются в разных социальных сферах, институтах, профессиях, ситуациях и жанрах: наиболее «видны» и организованы паттерны доступа в массмедиа, в повседневных разговорах лишь имплицитно присутствуют культурно обусловленные гендерные, возрастные, классовые и иные различия. Причем под доступом понимается «способ проявления людьми инициативы в коммуникативных событиях, модальность их участия, а также способы контроля таких параметров дискурса, как обмен репликами, последовательность высказываний, темы и даже способы их репрезентации» (с. 92). Властные группы планируют, готовят и иницируют коммуникативное событие, определяют время, место, обстоятельства, тип и жанр дискурса, контролируют выбор речевых актов, последовательность реплик,

---

27. Ван Дейк не рассматривает пассивность как форму сопротивления — «орудие слабых» в терминологии Дж. Скотта (пример — «итальянская забастовка», или четкое следование всем принуждающим элементам организационного дискурса, закрепленного в письменных инструкциях).

темы, содержание и стиль дискурса, объем аудитории (в качестве иллюстрации ван Дейк приводит схему паттернов доступа к дискурсу судебного заседания).

По материалам масштабного исследования проблем расизма, в рамках которого изучались все типы дискурса — повседневные диалоги, университетские учебники, новостные сообщения в печати, парламентские дебаты, научный, корпоративный дискурс и др., в третьей главе показаны механизмы воспроизводства расово-этнического доминирования. Это неодинаковые паттерны доступа к дискурсу для групп большинства и меньшинства, что вместе с ограничением доступа к социально-экономическим ресурсам порождает эксклюзию и маргинализацию: проблемы и темы, которые отбираются и обсуждаются массмедиа, носят стереотипный и негативный характер; миноритарные адресанты редко цитируются, только по «спокойным», нерискованным темам (фольклор, искусство, культура в целом) и всегда с ответными репликами большинства; содержание и синтаксис заголовков, стиль, лексика, риторика, отрицания, семантические ходы и другие дискурсивные параметры акцентируют «их» негативные действия и создают положительный образ «нас», лишенный элементов негативной самопрезентации (отрицания, эвфемизмы, смягчения и т. д.). Приводя примеры из британских газет, ван Дейк показывает разные стратегии «расистского языка», в основе которого лежит схема расистской репрезентации «мы—они»: оценочные термины в заголовках; метафорическим образом сконструированные «факты»; исключительно позитивное изображение сотрудников миграционных служб и чиновников общественного порядка — как «стражников Британии, отважно сражающихся в расовых войнах», и работодателей — как «жертв, которых „нелегальные“ мигранты... вводят в заблуждение»; только крайне негативная репрезентация мигрантов — «как оккупационных войск или нахлынувшего потока, как тех, кто должны быть „арестованы“ и „удалены“ сотрудниками иммиграционной службы... не процитирован ни один „нелегальный иммигрант“: их точки зрения, опыт, история неважны, с иностранной армией, т. е. врагами, никто не разговаривает» (с. 107).

В четвертой главе ван Дейк пытается суммировать концептуальные основания критического дискурс-анализа. Во-первых, выделяет в нем различающиеся по степени критичности версии — прагматику, конверсационный и нарративный анализ, риторiku, стилистику, социолингвистику, этнографию, медиа-анализ и др., по сути, расширяя его трактовку до любых видов текстового анализа при условии их критической ориентации. Во-вторых, открыто отрицает возможность безоценочной науки: критические дискурс-аналитики изучают связи между наукой и обществом «изнутри», поэтому любые научные теории, описания и объяснения всегда «социально и политически обусловлены, хотим мы этого или нет», но дискурс-аналитики целенаправленно «проводят исследования в целях солидаризации и кооперации с подчиненными группами». Для этого они фокусируются на социальных проблемах, а не текущих парадигмах и актуальных темах; в эмпирической работе ориентированы на междисциплинарность, объяснения и интерпретации, а не описания дискурсивных структур в терминах особенностей социального взаи-

модействия; убеждены в дискурсивной природе властных отношений, общества и культуры; видят в дискурсе исторически обусловленную форму социального действия и идеологической работы. Соответственно, критический дискурс-анализ — это не обладающее унитарной теоретической моделью аналитически разнородное направление исследований, преодолевающее разрыв макроуровня (власть, доминирование, неравенство) и микроуровня (язык, дискурс, вербальное взаимодействие и коммуникация), разрыв, который ван Дейк считает просто «социологическим конструктом», и изучает взаимосвязи локального и институционального контекстов конструирования и сохранения социальной структуры, индивидуального и социального познания и отказывается от проведения четких границ между дискурсивными и социальными практиками.

Завершает четвертую главу суммирование тематических приоритетов эмпирических критических дискурсивных исследований, которую ван Дейк предваряет вступлением в духе Барта, высказавшегося относительно структурного подхода, что «структура — это вроде истерии: если заниматься ею, она присутствует с несомненностью»²⁸, — аналогичным образом ван Дейк считает критическими дискурсивными исследованиями все проекты, имеющие дело с любыми аспектами доминирования и социального неравенства, даже если они не проводились под «вывеской» критического дискурс-анализа: феминистские оценки гендерного неравенства; изучение социально-политических ходов в репрезентациях, предвзятых и двусмысленных использований слов в описаниях «нас» и «их», стереотипических, сексистских и расистских образов в текстах, иллюстрациях и фото массмедиа; исследования политического дискурса — «языка» войны и мира, фашистского дискурса, семиотические (антиколониалистские) исследования; изучение роли дискурса в реализации и воспроизводстве этноцентризма, антисемитизма, национализма и расизма.

Последние шесть глав книги иллюстрируют возможности практического применения изложенных в первых четырех главах концептуальных оснований критического дискурс-анализа. Фактически ван Дейк описывает две предметные области: 1) конституирование расизма в устных и письменных высказываниях, (вос)производство этнических предрассудков, лежащих в основе расистских вербальных и социальных практик, посредством текстов, речи и коммуникации в целом; 2) взаимоотношения политического дискурса и политического познания, т. е. как политическая речь и тексты соотносятся с социально разделяемыми репрезентациями и определяют взаимодействие социальных групп и институтов в заданном политическом контексте. Расизм рассматривается как состоящий из социальной и когнитивной подсистем: первая конституируется социальными практиками дискриминации и злоупотребления властью со стороны доминирующей группы, которые порождают очевидные и ощутимые манифестации повседневного расизма; вторая включает в себя оценочные модели этнических событий и отношений,

---

28. Барт Р. (2000). Мифологии / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых. С. 19.

укорененные в расистских предрассудках и идеологиях. Дискриминационные практики необязательно интенциональны, что не означает и их врожденный, естественный или спонтанный характер: «расизм „усваивается“ в обществе» в процессе коммуникации, расизму обучаются, и процесс обучения начинается в школе.

В основе расизма лежит «групповая поляризация, характерная для базовых предрассудков, в частности, общая тенденция к ин-групповому фаворитизму или положительной самопрезентации и аут-групповому принижению или негативной презентации других» (с. 133) посредством соответствующих невербальных, лексических, синтаксических, риторических, речевых и прочих средств дискриминации представителей миноритарных групп и конструирования предвзятого дискурса о них. В повседневных разговорах о меньшинствах и мигрантах, как правило, используются отрицания — «семантические шаги, положительная часть которых посвящена Нам, а негативная — Им» (с. 137); в нарративных конструкциях историй об иммигрантах отсутствует развязка (разрешение проблемы). Медиадискурс предпочитает переоценку культурных различий и игнорирование культурных подобию; использует ограниченный, стереотипный набор тем (социально-экономические проблемы, преступность и т. д.) и негативные категории; с семантической точки зрения материалы о нашей нетерпимости, бытовом расизме и дискриминационных практиках имплицитны, неопределенны и абстрактны, тогда как рассказы о преступлениях, насилии и девиантных практиках меньшинств — эксплицитны, точны и детальны. Политический дискурс, в котором недопустимы открытые формы оскорблений и предвзятая лексика, маскируется под нерасистский, прибегая к риторике национализма, популизма и прав человека, аргументативным ходам (ссылкам на финансовое бремя миграции, «недовольство» в стране и пр.), ошибкам генерализации, воздействиям на эмоции и отсылкам на авторитетное мнение (ученых, церкви), чтобы добиться доверия аудитории.

Эффективной стратегией насаждения расистских практик ван Дейк считает публичные отречения элитарных групп от расизма: они отрицают экстремистские формы народного расизма для «продвижения «умеренных» форм расизма в мейнстримовых партиях... оправданного отсылкой к демократическим ценностям» (с. 135); категорически отказываются от использования слова «расизм» и заменяют его эвфемизмами (предрассудки, стереотипы, предвзятость и т. д.); утверждают полное искоренение дискриминации и расизма в современном обществе и рассматривают случаи их проявления как сугубо индивидуальные девиации, отрицая, таким образом, институциональный систематический расизм. Отрицание — вариант позитивной внутригрупповой репрезентации и составная часть общей стратегии управления впечатлением и поддержания социального имиджа в ситуации неизбежности негативных утверждений на персональном, институциональном или социальном уровне, которая придает обвинениям в расизме реверсивный характер: «представители этнических меньшинств и антирасисты сами подвергаются обвинениям в расизме против белого большинства», и «отрицания расизма (ситуативные или общие, личностные или групповые, как

часть стратегии защиты или упреждающие будущую реакцию собеседника и др.) зачастую превращаются в контробвинения в воинствующем антирасизме» (с. 153). С практической точки зрения отрицание расизма — форма социополитического менеджмента, позволяющая управлять националистическим противостоянием, обеспечивать консенсус «белого» большинства, решать политические проблемы, позиционировать современную западную культуру как толерантный антипод нетерпимости других.

Вторая предметная область, проиллюстрированная многочисленными примерами²⁹ в заключительной части книги, — исследования политического дискурса³⁰ и политического познания, т. е. организации политических убеждений, имиджа политиков, процессов принятия политических решений, стереотипов и предрассудков в сфере социополитических отношений, групповых политических идентичностей и других вопросов, которые связаны с репрезентациями и ментальными процессами, соотносимыми с политическими действиями и пониманием политики (с. 196). Ван Дейк предлагает сложную концептуальную модель, основными элементами которой выступают: заимствованные из психологии особенности работы человеческой памяти и когнитивных процессов (в ходе воспроизводства и понимания дискурса люди опираются на личностные ментальные модели события или ситуации), которые определяют, «что» говорится; различия контекстных моделей участников коммуникации, которые включают в себя знания о текущей коммуникативной ситуации, прецедентных текстах, убеждениях, эмоциях, ролях и целях собеседников, объективных условиях «разговора» и определяют, «как» что-то говорится; разведение двух типов знания — разделяемого участниками отдельной социальной группы и общекультурного (на нем базируется большая часть лексики), а также нелегитимной манипуляции (включая ложь) и легитимного убеждения, граница между которыми прозрачна и зависит от контекста. Все эти элементы регулируют стиль, тематику, риторичность, семантические репрезентации, отбор релевантной информации и прагматическое измерение политического дискурса. Ван Дейк неоднократно подчеркивает, что нет однозначно манипулятивных дискурсивных стратегий, потому что все они могут использоваться для убеждения, информирования, образования и других легитимных форм коммуникации. Для достижения манипулятивного эффекта наряду с дискурсивными приемами (дискредитация оппонентов, применение эмоциональных и трудноопровержимых ар-

---

29. Наиболее подробно разбирается воинствующая риторика парламентских выступлений испанского премьер-министра Хосе Мариа Аснара и британского премьера Тони Блэра в поддержку боевых действий США и их союзников против Саддама Хусейна в 2003 году — как пример дискурсивного выражения политических импликаций (неявных семантических следствий из высказываний) на фоне более широких вопросов легитимации государственного военного насилия.

30. Простота отношения ван Дейка к интерпретации сложных понятий поражает: политический дискурс — это «все, что говорят политики... кроме того, все, что произносится с политической целью (т. е. с целью повлиять на политический процесс, например, в форме некоторых политических решений), также относится к политическому дискурсу» (с. 207).

гументов и др.) необходим комплекс когнитивных, эмоциональных и социальных ситуаций.

Следует отметить, что социально-критический рефрен отчетливо прослеживается на всем протяжении книги, но по мере развертывания текста оценочные суждения формулируются все более адресно и прямолинейно. В начале ван Дейк в целом отмечает, что «иллюзия свободы и разнообразия может быть одним из способов производства идеологической гегемонии, которая может служить интересам доминирующих общественных сил и не в самую последнюю очередь компаний, производящих сами технологии медиаконтента, создающих эту иллюзию»; «элитарные группы и организации прекрасно понимают, к каким эффектам в отношении сознания аудитории приводят их «информация», реклама и пропаганда — иначе они бы не занимались так активно публичной коммуникацией»; а «правительства желают слушать прежде всего тех людей, чьи мнения они еще загодя сформировали». Затем объекты критики обретают групповые номинации — «западные [американские и европейские] СМИ и политики активно отрицают обвинения в информационной гегемонии [в терминах «атак на свободу прессы»] и обычно игнорируют подтверждающие их результаты научных исследований», «толерантность является растиражированным государственным мифом, например в Нидерландах»; а позже и конкретные имена: Саддам Хусейн «стал повсеместно изображаться любимым злодеем Запада — как в политике, так и в СМИ» и «сейчас политически уместно и важно повторять и подчеркивать то, что он очень плохой парень»; «с помощью националистических, антитеррористических, антиисламских и антиарабских дискурсов Бушу и его компании удалось манипулировать мнением политиков и общественности, чтобы оправдать войну в Ираке» и т. д.

Безусловно, книга ван Дейка сложна для прочтения и понимания, требует предварительной междисциплинарной подготовки, потому что свободно оперирует лингвистической, социологической и политологической терминологией. Подготовленный читатель сможет увидеть в тексте и множество неявных, но «вшитых» в него сюжетов, например, проблему соотношения науки и идеологии³¹, которую, как показывает не только критический дискурс-анализ, но и нынешние дискуссии о роли ученого в обществе, вряд ли можно разрешить традиционной констатацией, что это два радикально разных понятия. Другой явно считываемый сюжет — проблема свободы: может и должен ли журналист сопротивляться редакционной политике своего издания, если таковая способствует укреплению и распространению социальной несправедливости и дискриминационных практик; может ли человек в принципе «увидеть» конструкцию социального знания и противостоять ее давлению.

Книга сложна и в силу терминологической насыщенности текста. Понятийно-категориальный аппарат — одновременно его сильная и слабая сторона, хотя вто-

---

31. Ван Дейк считает возможным уравнивать эти понятия, утверждая, что «идеологии (включая научные) позволяют (ре)конструировать социальную реальность, основанную на групповых интересах» (с. 54).

рое — в меньшей степени. Ван Дейк проводит впечатляющую разъяснительную работу, тщательно реконструируя теоретические и эмпирические связи используемых понятий, но многие из них он использует как сами собой разумеющиеся, хотя они таковыми не являются: это социальный и когнитивный анализ; менеджериалистский дискурс; формальный, функциональный и другие виды анализа, которые могут сочетать качественные описания деталей структуры дискурса и количественный подсчет эмпирических данных (суть этих процедур не уточняется). На всем протяжении книги читатель периодически сталкивается с честными признаниями автора, что он чего-то не знает: в разработанной им схеме анализа дискурса и власти «остались методологические и теоретические лакуны»; «мы имеем общее представление о сложнейших когнитивных репрезентациях, но детали процесса дискурсивного влияния на сознание людей нам пока непонятны»; «невозможно даже просто обобщить классические взгляды и современные дискуссии об идеологии»; «не существует непосредственного взаимоотношения между текстом и контекстом», как и «общего мнения по поводу содержания понятия „контекст“». Эти признания (а мы прекрасно осознаем степень авторитета и интеллектуальной эрудиции их автора) смиряют с тем фактом, что далеко не все можно объяснить, а тем более понять в рамках столь неоднозначного, балансирующего на границах научного познания и открыто радующегося своему методологическому плюрализму и негомогенности направления, как (критический) дискурс-анализ.

Discursive Construction of Social Reality: Conceptual Foundations and Empirical Devices for Unmasking the “Abominable” Practices

Irina Trotsuk

Assistant Professor, Peoples' Friendship University of Russia
Address: 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation 117198
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Review: Van Dijk T. A. (2014) *Diskurs i vlast': reprezentacija dominirovanija v jazyke i komunikaciji* [Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication] (in Russian), Moscow: Librokom, 344 p. ISBN 978-5-397-04375-5